

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библиотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія седьмой.

АВГУСТЪ.

№ 20.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ЖАРУ (стих.).
БОЛТУНЯ И ДРУЖОКЪ.
СКОРО ОСЕНЬ (стих.).
ВЪ ИЗБУШКѢ ЛѢСНОГО
СТОРОЖА (повѣсть).
ТОПСИКЪ И Я.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
TEL: 773-936-3200
WWW.CHICAGO.EDU

№ 20. Август. 1914. Годъ изданія VII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
(7—12 ЛѢТЪ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

3 р. 80 к.

Выходить ДВА РАЗА въ мѣс. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80 к.

Въ отсутствіе хозяина.

ВЪ ЖАРУ.

Жарко... Хочется купаться...
И бѣгутъ дѣтишки въ прудъ,
Начинають тамъ плескаться,
Брызжутъ, плаваютъ, орутъ...

Комары имъ жалятъ спину,
А они залѣзутъ въ тину,
Ловятъ рыбу за щетину
И домой несутъ.

Вотъ ужъ рожъ цвѣтетъ на полѣ,
Ужъ траву косить хотятъ,
Дѣти бѣгаютъ на волѣ,
Лѣтомъ—счастье для ребятъ!

Небо шлетъ имъ свои ласки,
Рѣчка шепчетъ свои сказки
И восторгомъ милымъ глазки
Дѣтскіе горятъ.

Вѣчно заняты ребята.
Не приходятъ со двора!
То играютъ въ мячъ, то въ прятки,
Милая пора!

Такъ устанутъ, что нѣтъ мочи,
И за часъ еще до ночи
Лягутъ спать, закроютъ очи—
И ужъ до утра!

Ирисъ.

БОЛТУНЯ и ДРУЖОКЪ.

(Разсказъ Сороки).

Какъ и ворона и галка, я принадлежу къ вороньей породѣ, хотя и имѣю бѣлые бока и длинный хвостъ и даже могу, какъ попугай, научиться говорить по человѣчьи. Мы, сороки, распространены по всей Европѣ и Азіи, гдѣ только есть хоть небольшіе лѣса. Мы не любимъ горъ, безконечныхъ лѣсныхъ пространствъ и степей и всего лучше для насъ большіе, старые помѣщичьи парки, въ которыхъ насъ не трогаетъ человѣкъ и такія мѣста, гдѣ лѣса чередуются съ полянками. Насъ очень

любятъ Шведы и устраиваютъ для насъ гнѣзда, такъ что, когда мы выводимъ у нихъ своихъ птенцовъ, то они бываютъ очень довольны. Они говорятъ, что своей болтовнею мы оживляемъ ихъ сѣверную природу. Мы очень домовиты и далеко отъ своихъ гнѣздъ не улетаемъ. Свои гнѣзда мы устраиваемъ на деревьяхъ, изъ прутьевъ, выстилаемъ ихъ землей или глиной и ставимъ сверху нихъ колпаки, которые предохраняютъ нашихъ птенцовъ отъ дождя и охраняютъ ихъ отъ вторженія другихъ

хищныхъ птицъ. Какая-бы погода ни была, мы знаемъ отлично, что наши птенцы всегда будутъ сухи и будутъ находиться въ теплѣ и безопасности. Устроивъ гнѣздо, сорока кладетъ въ него 7—8 зеленыхъ съ крапинками яицъ и ровно черезъ 21 день высиживаетъ изъ нихъ голенькихъ головастыхъ птенцовъ. И все время пока мать сидитъ на яйцахъ, ея супругъ летаетъ неподалеку и даже приноситъ ей ѣсть. Какъ только появляются на свѣтъ птенцы, такъ отецъ и мать оба начинаютъ ихъ кормить и дѣлаютъ это чередуясь, чтобы при маленькихъ всегда оставался старшій. Сорока такъ любитъ своихъ дѣтей, что не покидаетъ ихъ даже и тогда, когда въ нее стрѣляютъ или разоряютъ ея гнѣздо. Обливаясь кровью, съ дробинами въ тѣлѣ, она все-таки старается закрывать собою своихъ птенцовъ и не дать ихъ въ обиду. Мы, сороки, очень любимъ людей и всегда стараемся селиться невдалекѣ отъ ихъ жилища. Если человѣкъ возьметъ насъ молодыми къ себѣ, то мы скоро привыкаемъ къ нему, летимъ на его зовъ, поемъ то, что поетъ онъ самъ, и выучиваемся говорить. Конечно, мы не понимаемъ смысла того, что говоримъ, и только болтаемъ зря: вѣроятно за это человѣкъ и прозвалъ сороку болтуньей. Полетъ нашъ довольно некрасивъ: мы летимъ тяжело и неуклюже,

часто размахивая крыльями, и стоитъ только подуть вѣтру, какъ мы уже сбиваемся въ сторону. По землѣ мы не прыгаемъ, какъ это дѣлаютъ наши родичи галки и вороны, а ходимъ, переступая ногами и высоко задравъ хвостъ. Мы ѣдимъ все, что только попадется намъ на пути: плоды, ягоды, зерна, лягушатъ, насѣкомыхъ, улитокъ. Часто мы воруемъ яйца изъ гнѣздъ другихъ птицъ и лакомимся ими. Мы очень хитры: чтобы украсть, наприкладъ, цыпленка, сорока долго гуляетъ вмѣстѣ съ курами, какъ ихъ хорошая знакомая, клюетъ вмѣстѣ зерна и пьетъ воду, но вдругъ, улучивъ удобную минуту, она неожиданно бросается на цыпленка, хватается его и уноситъ съ собой. Среди куръ происходитъ переполохъ. Когда онъ поуляжется немного и куры забудутъ о происшествіи, то сорока снова появляется въ курятникѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принимается вмѣстѣ съ ними за дружественную ѣду, чтобы при удобномъ случаѣ опять стащить цыпленка. Но болѣе всего мы, сороки, любимъ воровать у человѣка блестящіе предметы. Объ этомъ я и хочу сейчасъ рассказать.

Я поселилась на высокой ели въ паркѣ старой барской усадьбы и часто слетала со своего гнѣзда и прилетала къ самой террасѣ дома, чтобы подбирать кусочки

хлѣба и мяса, которые бросали мнѣ дѣти хозяевъ во время обѣда.

Однажды мои хозяева пили на террасѣ чай. Когда онъ былъ отпить и дѣти побѣжали въ садъ, то я была неподалеку отъ террасы и подбирала крошки. Въ это время ихъ мать позвали въ домъ. Какъ только она вышла, я взлетѣла на столъ, схватила серебряную ложку и умчалась съ ней къ себѣ въ гнѣздо. Спрятавъ ложку подъ верхней настилкой гнѣзда, я вернулась обратно и стала наблюдать. Мать вышла на террасу домывать посуду и вдругъ увидела, что одной ложкой стало меньше. Она долго искала ее, подумала, что позабыла ее въ домѣ, когда уходила, провѣрила это, и когда ее не оказалось и тамъ, такъ и рѣшила, что кто-нибудь изъ дѣтей уронилъ ложку на полъ и она провалилась черезъ щель подъ полъ балкона. Въ это время вернулись дѣти.

— Полѣзай-ка ты, Вася, подъ полъ, обратилась она къ сынишкѣ.—Ты маленькій, ты пролѣзешь! Навѣрное, ложка тамъ!..

Вася пролѣзъ въ дыру подъ террасой, но, повидимому, ничего тамъ не нашелъ.

— Ну, что? крикнулъ ему и отецъ.—Тамъ? Нашелъ?

— Нѣтъ... слышался изъ-подъ террасы отвѣтъ.

Затѣмъ Вася вылѣзъ на свѣтъ Божій и всѣ они еще долго искали

украденную мною ложку, да такъ и не нашли. Конечно, она канула, какъ въ воду. Никто не догадывался, что она у меня въ гнѣздѣ.

Однажды стояла жаркая погода. Дѣти купались каждый день и долго плескались въ водѣ. Глядя на нихъ, стала купаться и ихъ мать, не купавшаяся почти никогда. Какъ-то разъ, когда было особенно жарко, она сняла съ себя кольца, положила ихъ около зеркала въ спальней и, взявъ лохматую простыню, отправилась къ рѣкѣ. Всѣ окна въ домѣ были раскрыты настежь, но ни малѣйшій сквознякъ не приносилъ прохлады.

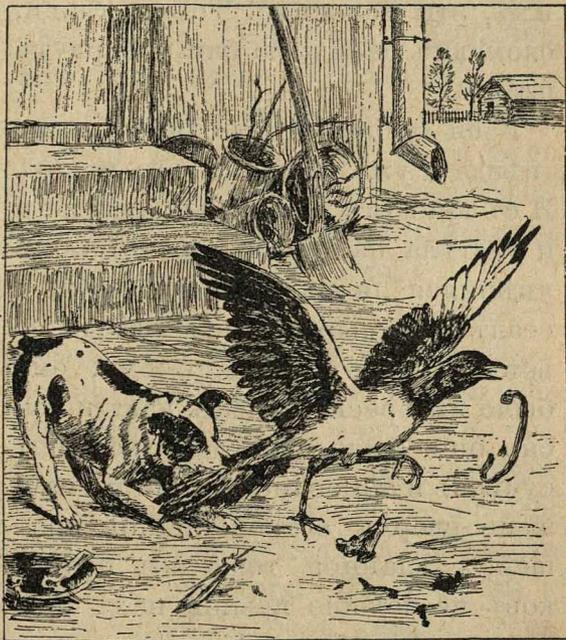
Когда мама возвратилась къ себѣ въ спальную и стала одѣваться, то ея колецъ у зеркала не оказалось. Былъ поднять на ноги весь домъ, были въ немъ обшарены всѣ уголки, но колецъ такъ и не нашли.—И если-бы вся домашняя прислуга не жила въ усадьбѣ уже давно и не была-бы испытанной честности, то подумали-бы на нее. Затѣмъ я украла у няньки трехкопѣечный наперстокъ и у дворника его серебряный ключикъ отъ часовъ. Никто не могъ объяснить себѣ этихъ пропажъ—и тайна исчезновенія вещей такъ и продолжала оставаться тайной.

Была въ усадьбѣ небольшая бѣленькая собачка съ черными пятнами и съ обрубленнымъ хвостомъ. Звали ее Дружокъ. Она была изъ породы фоксъ-терьеровъ

и была такъ забавна и умна, что дѣти цѣлые дни проводили съ нею вмѣстѣ. Куда-бы они ни шли, она всюду слѣдовала за ними и какъ-бы они ее ни мучили, она всегда виляла имъ обрубочкомъ своего хвоста. Этотъ Дружокъ жилъ на дворѣ, въ ящикѣ изъ подъ мыла, стоявшемъ у чернаго крыльца. Тутъ-же, около ящика, бросали ему и ѣду. Онъ очень любилъ глотать кости и возился съ ними по цѣлымъ часамъ. Однажды Вася принесъ ему ѣсть и, отъ нечего дѣлать, сѣлъ въ сторонѣ и сталъ глядѣть на него, какъ онъ будетъ управляться съ костями. Дружокъ тотчасъ-же набросился на ѣду и затѣмъ съ увлеченіемъ занялся костью. Онъ грызъ ее и ворчалъ. Въ него впились комары, но онъ не замѣчалъ ихъ и продолжалъ свою трудную работу. Увидавъ, что можно пожить около Дружка и мнѣ, я слетѣла со своего дерева, подкралась къ нему и, схвативъ клювомъ за его кость, стала ее у него отнимать. Дружокъ тяфкнулъ на меня, я отскочила и онъ снова принялся за свое дѣло. Тогда я потихоньку подкралась къ нему съ другой стороны, ловкимъ движеніемъ ухватила клювомъ за блестящую мѣдную пряжку на его ошейникѣ и дернула за нее такъ, что ошейникъ снялся съ Дружка черезъ его голову. Я собралась-было уже улетѣть со своей добычей къ себѣ

въ гнѣздо, какъ Дружокъ бросилъ свою кость и мигомъ ухватилъ меня зубами за хвостъ. Я стала вырываться и биться, выронила изъ клюва ошейникъ и, оставивъ въ зубахъ у собаки чуть не половину своего хвоста, улетѣла обратно къ себѣ на дерево.

— Папа, папа! закричалъ вдругъ Вася, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены.—Иди сюда скорѣй! Я самъ видѣлъ сейчасъ, какъ сорока стащила за мѣдную пряжку съ нашего Дружка ошейникъ!

Отецъ вышелъ, поглядѣлъ на ошейникъ, потомъ на мое дерево, на которомъ я сидѣла уже въ своемъ гнѣздѣ,—и вдругъ лицо его просіяло.

— Какъ это я раньше не догадался! воскликнулъ онъ. — Ахъ, она плутовка!

Они подошли къ моему дереву, отецъ долго смотрѣлъ на верхъ и наконецъ сказалъ:

— Вонъ гдѣ ея гнѣздо! Вася, лѣзь! Тамъ вонъ на самомъ верху, на вѣткѣ, какъ разъ около ствола. Постарайся въ него заглянуть!

Вася радъ былъ показать свое искусство, какъ онъ лазалъ по деревьямъ, и въ одну минуту взобрался на самую вершину.

— Не упали, кричала ему мама изъ окна. — Вася, Вася, слѣзь, пожалуйста, а то ты упадешь! Ахъ, эти мальчики! Того и гляди, сломаютъ себѣ шею или разорвутъ штаны!

Вася добрался до самаго моего гнѣзда и уже коснулся его рукою. Я съ крикомъ выскочила изъ него и улетѣла на другое дерево, а онъ уцѣпился попрочнѣе за вѣтки и сталъ оглядывать мое гнѣздо со всѣхъ сторонъ. Повидимому, ему было интересно видѣть, какъ искусно оно было сплетено все изъ сучьевъ и обмазано глиной и снабжено сверху остроконечной крышей, сдѣланной тоже изъ прутьевъ на подобіе крыши надъ крестьянской избушкой.

— Ну, что? крикнулъ сыну отецъ. — Есть тамъ что нибудь?

— Еще не вижу!.. отвѣтилъ Вася.

— А ты пошарь рукою!

Я видѣла, какъ Вася просунулъ руку въ мое гнѣздо и сталъ въ немъ шарить.

— Здѣсь что-то жесткое и холодное! радостно воскликнулъ онъ.

— Тащи скорѣе! крикнулъ ему отецъ.

Онъ сталъ вытаскивать все, что попадалось ему подъ пальцы. Это были кольца его матери, чайная ложка, которую всѣ въ домѣ такъ долго искали, наперстокъ няни, ключикъ дворника и еще много другихъ вещей, которыя исчезли, но которыхъ во время не хватились.

— Даже мой оловянный солдатикъ! воскликнулъ весело Вася. — И Сонины бусы! И твой карандашъ!

Вася слѣзь съ дерева и все это передалъ своему отцу. Онъ долго и съ любопытствомъ разсматривалъ уворованныя мною вещи и все повторялъ:—

— Какъ это я не догадался раньше? Каждый день по нѣскольку разъ вижу эту сороку и даже и подумать не могъ, что вещи крадла именно она!

И они отправились къ себѣ домой. На встрѣчу къ нимъ вышла мама и когда они передали ей ея кольца и ложку, то тутъ было столько разговоровъ и смѣха, что было весело даже и мнѣ.

— Теперь вы убирайте всѣ ваши блестящія вещи подальше, сказалъ отецъ. — Эта сорока перетакаетъ ихъ у васъ такъ, что вы и не замѣтите ихъ исчезновенія. Хорошо, что ей вздумалось ста-

щить съ Дружка ошейникъ, а то-бы такъ никто и не догадался, куда пропали мамины кольца и ложки. Это единственная птица изъ всей вороньей породы, которая любитъ красть блестящіе предметы.

Они поговорили еще, посмѣялись, посмотрѣли въ мою сторону и ушли къ себѣ въ домъ. Я возвратилась къ себѣ въ гнѣздо.

Прошло два мѣсяца, я вывела и воспитала своихъ птенцовъ, а затѣмъ наступили холода и вся наша семья разлетѣлась въ разныя стороны. Я осталась одна. Между тѣмъ выпалъ снѣгъ, ѣды достать было негдѣ, и я уже поневолѣ должна была прилетать въ усадьбу и красть у Дружка то корочку хлѣбца, то кусокъ мяса. Это ему не нравилось.

— Уйди отъ меня! крикнулъ онъ мнѣ однажды на своемъ собачьемъ языкѣ.—Я тебя не люблю! Ты—воровка!

— Но гдѣ-же я возьму? возразила я ему.—Вѣдь я тоже хочу ѣсть! Насѣкомыхъ теперь нѣтъ, ягодъ—тоже... Надо-же хоть чѣмъ nibудь питаться!

— Это не мое дѣло! крикнулъ онъ, тяфкнулъ и принялся за свою кость.

Но я такъ хотѣла ѣсть, что осмѣлилась, подскочила къ нему и стала отнимать у него кость. Онъ уцѣпился въ нее, ворчалъ и не отдавалъ. Тогда я собралась

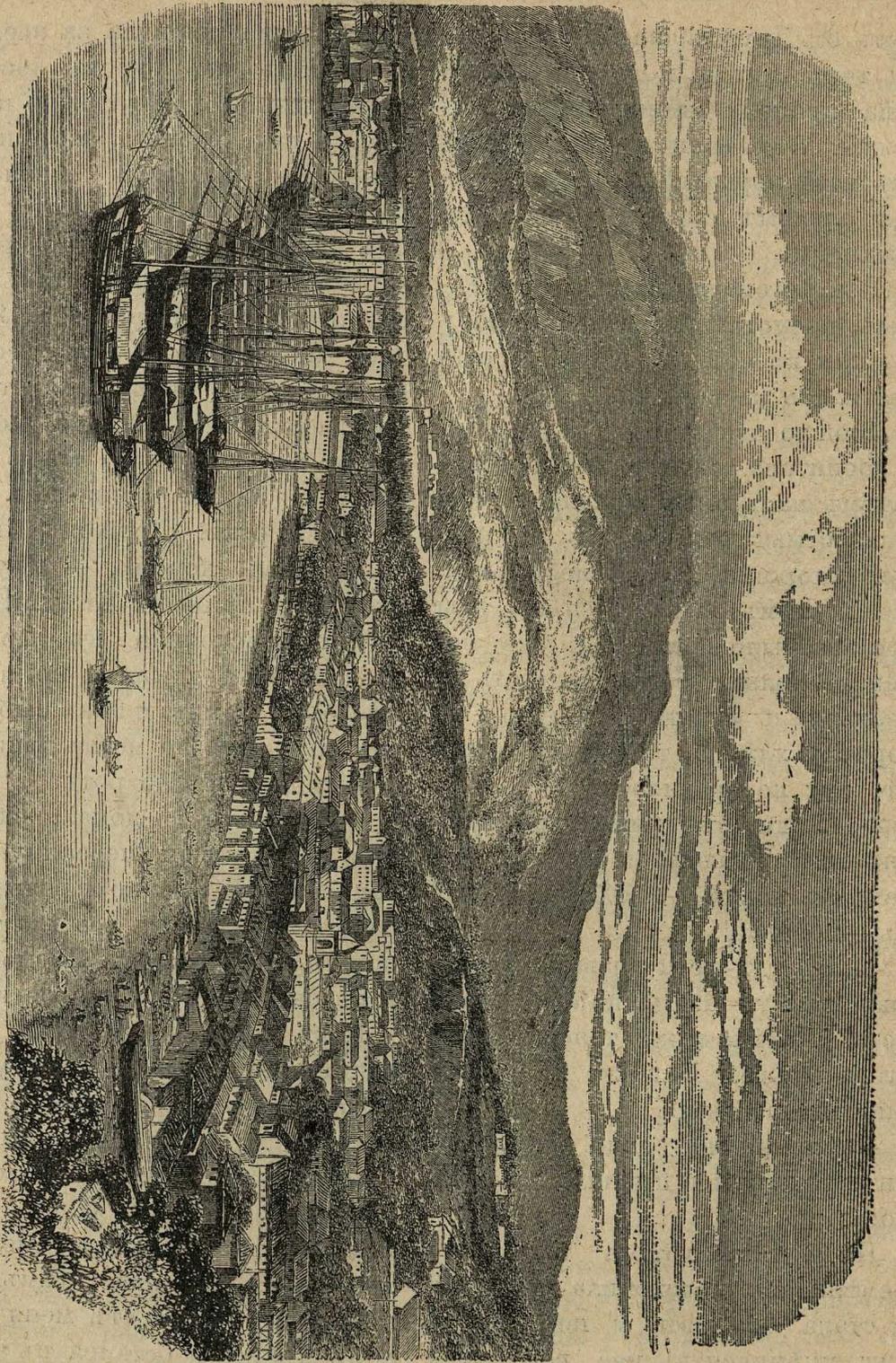
съ силами и дернула за нее. Онъ выпустилъ изъ зубовъ кость, я обрадовалась, хотѣла было поскорѣе съ нею улетѣть, но онъ въ мгновение схватилъ меня зубами за хвостъ. На этотъ разъ онъ держалъ меня такъ крѣпко, что какъ я ни билась, такъ и не могла отъ него вырваться. Я билась и кричала, а онъ все еще не выпускалъ меня изо рта, съ торжественнымъ видомъ вошелъ въ домъ и вмѣстѣ со мною прошелся по всѣмъ комнатамъ.

— Дружокъ! Дружокъ! закричали дѣти хоромъ.— Дружокъ Болтунью принеся! Вѣдная!

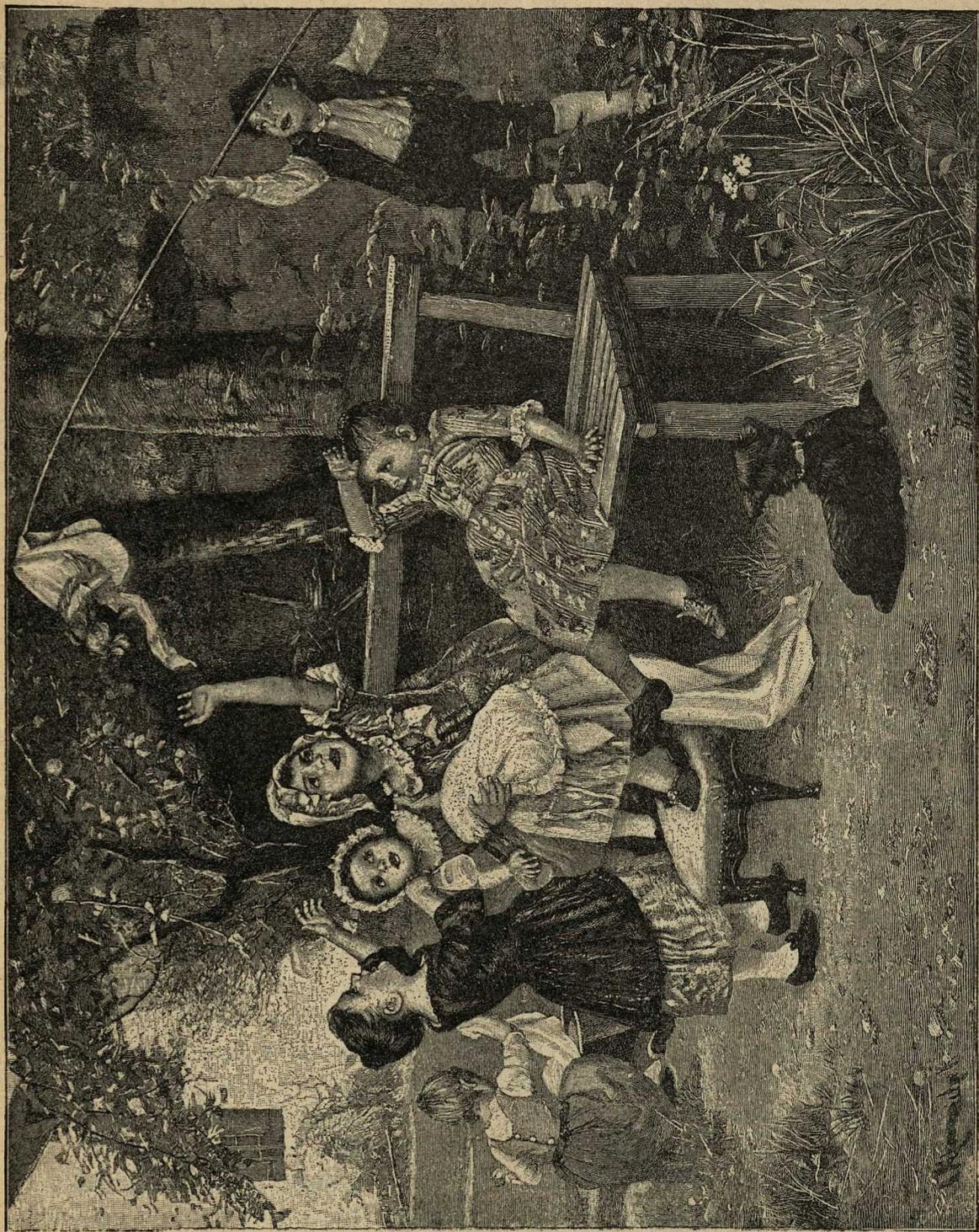
Они подскочили къ Дружку, отняли меня у него, но я такъ уже было помята и такъ выбилась изъ силъ, что не могла двигаться и широко открыла ротъ.

— Оставьте ее дома!.. сказала отецъ.—Пусть она перезимуетъ въ комнатахъ! Все равно ее нельзя сейчасъ выпустить на волю, а то она погибнетъ съ голоду. Посмотрите, какъ она опустила правое крыло!

И въ самомъ дѣлѣ, я не могла двигать крыломъ. Къ тому-же я была теперь и безъ хвоста, такъ какъ, когда дѣти отнимали меня у Дружка, то они тащили меня за крылья, а онъ все еще продолжалъ крѣпко держать меня за хвостъ. Кончилось тѣмъ, что хвостъ оторвался отъ меня цѣликомъ и такъ и остался въ зубахъ у Дружка.

Городъ Сентъ-Пьеръ на островѣ Мартиникѣ.

Не ожидали!

Меня помѣстили въ дѣвичьей, въ уголку, гдѣ я скромно просидѣла цѣлую зиму и все болтала безъ умолку. Мы, сороки, не умѣемъ сидѣть молча. Скоро я поправилась, у меня выросъ хвостъ, и я могла-бы воспользоваться случаемъ, шмыгнуть въ открытую дверь или въ форточку и улетѣть, но мнѣ было здѣсь сытно и тепло и къ тому-же дѣти полюбили меня и научили меня говорить. Вася поставилъ передо мной зеркало, а самъ спрятался за него и сказалъ:—

— Здравствуй, Болтунья!

Я увидѣла въ зеркалѣ свое изображеніе, подумала, что это говоритъ со мною другая сорока, и повторила:—

— Здравствуй, болтунья!

— Добро пожаловать! крикнулъ Вася.

— Добро пожаловать! повторила и я.

Такъ я и выучилась говорить.

Затѣмъ Вася выучилъ меня пѣть „Чирикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ?“ и я распѣвала эту пѣсню своимъ картавымъ голосомъ на весь свой уголокъ.

Иногда ко мнѣ прибѣгалъ со двора Дружокъ и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, ложился на мою постель, хотя я не пользовалась ей, а спала всегда на жердочкѣ.

— Уйди отсюда! кричала я ему и ударяла его клювомъ.—Я не люблю тебя, ты злой!

— Позволь мнѣ погрѣться!..

жалобно скулилъ онъ.—На дворѣ морозъ, я такъ иззябъ!

Но я не могла простить ему того, что онъ два раза хваталъ меня за хвостъ, и больно била его клювомъ въ спину и по головѣ.

— Ты злой! говорила я.—Благодаря тебя, я попала въ неволю!

— Я больше не буду!.. отвѣчаль онъ. — Когда-нибудь и я окажу тебѣ услугу!

И онъ сдержалъ свое слово. Какъ-то ночью я услышала сквозь сонъ возню. Я проснулась и вдругъ, къ ужасу своему, увидѣла въ темнотѣ четыре свѣтящіяся точки. Это были чьи-то глаза. По писку и по шуму я поняла, что это были двѣ большія крысы. Онѣ подошли ко мнѣ почти въ плотную и тотчасъ-же сожрали всѣ остатки моей ѣды.

— А это что-то вкусное!.. сказала одна изъ нихъ.—Но здѣсь чѣмъ-то пахнетъ и еще!

— Да, и я чую!.. отвѣтила другая.—Здѣсь гдѣ-то по близости есть еще и живая птица.

— Давай поймаемъ ее и съѣдимъ!

Сердце у меня похолодѣло и я такъ и замерла на мѣстѣ. Неужели-же сейчасъ долженъ былъ прійти мой конецъ?

Я плохо видѣла въ темнотѣ, хотѣла улетѣть въ другое мѣсто, но за что-то зацѣпилась и упала на полъ. Обѣ крысы бросились ко мнѣ. Но вдругъ я услышала тихій, сдержанный лай. Это Дружокъ ноче-

валъ въ сосѣдной комнатѣ и, за-
слышавъ крысъ, залаялъ.

— Ко мнѣ! закричала я изъ
всѣхъ своихъ силъ.— Добро пожа-
ловать! Добро пожаловать!

Онѣ вбѣжалъ въ мою комнату,
схватилъ одну крысу поперекъ
тѣла, потомъ другую, и управился
съ ними обѣими въ какой-нибудь
одинъ мигъ. Онѣ лежали безъ дви-
женія на полу. Я обрадовалась,
вскочила на свою жердочку и, по-
нявъ, что теперь мнѣ уже нечего
бояться, весело запѣла: —

— Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты
былъ?..

На поднятый шумъ проснулась
няня и со свѣчой вошла къ намъ
въ комнату. Дружка уже не было.
Изъ скромности, онѣ ушелъ къ себѣ
спать, а можетъ быть и вовсе вы-
бѣжалъ на дворъ. Я сидѣла на жер-
дочкѣ и пѣла. Увидѣвъ на полу
двухъ крысъ и понявъ въ чемъ
дѣло, няня поглядѣла въ мою сто-
рону и сказала: —

— Ай, да сорока! Ай, да бол-
тунья! Управилась съ двумя кры-
сами одна! Какова? Вотъ не ожи-
дала!

И взявъ тряпкой крысъ, она вы-
несла ихъ изъ комнаты.

На слѣдующій день я вылетѣла
на свободу и стала добывать себѣ
пропитаніе сама. Стоило-ли изъ-за
даровыхъ харчей и изъ за тепла-
го угла рисковать своею жизнью
и жертвовать свободой?

И вотъ я снова летаю по парку
и по усадьбѣ, жду весны, когда
снова заведу свою семью и выве-
ду птенцовъ, и иногда прилетаю
къ Дружку. Онѣ по прежнему
живетъ въ своемъ ящикѣ изъ подъ
мыла и по прежнему съ ворча-
ніемъ грызетъ кости, точно онѣ
виноваты въ томъ, онѣ не можетъ
что ихъ разгрызть. Но теперь онѣ
уже не трогаетъ меня и при пер-
вой-же возможности дѣлится со
мною своей ѣдой.

С. Вершининъ.

СКОРО ОСЕНЬ!

Поспѣло все... Овесъ скосили
И слышны звуки молотбы...
Давно-ль мы по лѣсу бродили
И находили тамъ грибы?

И вотъ Сентябрь... Минуло лѣто,
Листва опала, дождь идетъ
И птичка ранняго привѣта
Ужъ съ вѣтки звонко не поетъ.

Пройдутъ недѣли—будетъ знобко,
Подернетъ лужи тонкій ледъ,
Засвѣтитъ солнце какъ-то робко
И осень хмурая придетъ.

Кузнечикъ

ВЪ ИЗБУШКѢ ЛѢСНОГО СТОРОЖА.

ПОВѢСТЬ.

Быль сочельникъ. Луна должна была взойти еще только послѣ полуночи и потому было темно и на небѣ не свѣтилось ни одной звѣздочки. Высокія, заходившія за облака, горы мрачными громадами поднимались по бокамъ шоссеиной дороги и было такъ сыро, какъ въ погребѣ!

Послышался топотъ лошадиныхъ копытъ и стукъ колесъ экипажа. Если-бы было свѣтло, то можно было-бы увидѣть, что въ экипажѣ сидѣла богато одѣтая дама и дремала. На колѣняхъ у нея лежала маленькая дѣвочка лѣтъ около двухъ и тоже спала. Въ ручкѣ у нея былъ сжать маленькій золотой брелокъ, который на тоненькой цѣпочкѣ висѣлъ на браслетѣ у дамы и которымъ дѣвочка вѣроятно играла, да такъ, не разжимая кулачка, съ нимъ вмѣстѣ и заснула. У ногъ дамы, свернувшись калачикомъ, спала маленькая, бѣленькая, лохматенькая собачка изъ породы болонокъ. Кучеръ тоже, очевидно, спалъ, потому что сидѣлъ на козлахъ, понутивъ голову и опустивъ вожжи.

Какъ вдругъ, при поворотѣ, лошади чего-то испугались и понесли. Свернувъ въ сторону, экипажъ запрыгалъ по кочкамъ и по камнямъ, дѣвочка свалилась съ колѣней дамы и упала прямо на траву, а затѣмъ послышались крики проснувшихся кучера и дамы, не знавшихъ, что дѣлать, а лошади все несли и несли и скоро убѣжали такъ далеко, что голосовъ уже не стало слышно.

Дѣвочка осталась на травѣ, среди горъ, одна. Она ушиблась, плакала отъ боли и отъ испуга, но была еще настолько мала, что ничего не могла понять и только жалобно повторяла:

— Мама!.. Мама!..

Шелъ мимо тирольскій крестьянинъ. Услышавъ голосокъ дѣвочки, онъ остановился, прислушался, свернулъ съ дороги и заглянулъ за камень, гдѣ лежала на травѣ дѣвочка.

— Ребеночекъ! удивился онъ. — Должно быть, кто-нибудь его подкинулъ!

Онъ зажегъ спичку и освѣтилъ ею ребенка. Дѣвочка въ капорѣ и въ дорогомъ костюмчикѣ лежала

на травѣ и тутъ-же около нея блеснулъ и золотой брелокъ, который, падая съ экипажа, она оторвала отъ браслета своей матери и увлекла съ собою.

— Вотъ такъ исторія! воскликнулъ крестьянинъ. — Что-же мнѣ теперь дѣлать съ этимъ ребенкомъ? Вѣдь я одинъ, иду въ церковь къ рождественской заутренѣ, куда-же мнѣ его теперь дѣвать? А это навѣрное подкидышъ.

Вдалекѣ между двухъ хребтовъ горъ тянулась долина, вся поросшая старымъ дубовымъ лѣсомъ. У опушки лѣса стояла избушка сторожа, въ которой теперь привѣтливо мерцалъ огонекъ. Точно звѣздочка, онъ далеко-далеко свѣтился въ глубинѣ долины и, казалось, манилъ къ себѣ.

Крестьянинъ оглядѣлся по сторонамъ и замѣтилъ огонекъ.

— Вотъ что, рѣшилъ онъ.—Отнесу-ка я этого ребенка туда! Быть можетъ, тамъ живутъ добрые люди и приютятъ его!

И поднявъ съ земли ребенка и золотой брелокъ, онъ свернулъ съ шоссе и зашагалъ къ избушкѣ лѣсного сторожа.

Въ это время самъ лѣсной сторожъ и его жена тоже шли къ рождественской заутренѣ, но совсѣмъ другой дорогой. Въ сторожкѣ остались только малыя дѣти, да дѣвушка лѣтъ шестнадцати Гульда, безродная племянница сторожа. Гульда управляла всѣмъ

домомъ. Полтора года тому назадъ умерла ея мать. Сторожъ взялъ ее къ себѣ—и всѣ заботы по хозяйству и о дѣтяхъ легли на нее. Сторожиха была женщина слабая и болѣзненная и Гульда должна была позаботиться и о ней, и о дѣтяхъ, и о животныхъ, и о хозяйствѣ.

Это была милая, скромная дѣвушка, не знавшая, что такое усталость, и цѣлые дни готовая трудиться. У нея былъ прекрасный характеръ: какъ-бы ни была трудна ея работа, она всегда весело и беззаботно распѣвала, какъ птичка. Пѣла она и теперь, проводивъ сторожа и сторожиху къ заутрени и уложивъ дѣтей спать, но пѣла только потихоньку, радуясь заранѣе своей затѣѣ. Она рѣшила въ отсутствіе дяди и тети испечь пирога съ вареньемъ и въ тѣсто, на счастье, положить тайкомъ серебрянную монетку. Кому эта монетка достанется въ кускѣ пирога, тотъ, значить, и будетъ счастливъ въ теченіи цѣлаго года.

„Воображаю, какъ будутъ рады дѣти!..“ думала она, предвкушая заранѣе удовольствіе сторожа и сторожихи и дѣтей.

А въ это время сторожъ и сторожиха брели въ потьмахъ къ заутренѣ.

— А сегодня плохая погода! сказалъ сторожъ.—Ни одной звѣздочки! Изволь-ка идти въ такую темноту три версты до церкви!

— Вернемся, Кириакъ!.. обратилась къ нему жена. — Вѣдь до шоссе чуть не двѣ версты!. Я не смогу дойти по такой извилистой тропинкѣ...

— Ничего, добредемъ!.. ободрить жену сторожъ. — Мы и такъ уже два года не были подѣ Рождество въ церкви. Давай сюда руку, Эми!

Фрау-Эми подала ему руку и тихонько, шагъ за шагомъ, поплелась за мужемъ. Дорога отъ сторожки до шоссе дѣйствительно была трудна. Къ тому-же сторожиха была подозрительна и суевѣрна. Все ей казалось, что изъ рывины или оврага выскочить сейчасъ недобрый человѣкъ, и въ каждомъ выдавшемся камнѣ ей чудилось въ темнотѣ привидѣніе. И вдругъ дѣйствительно имъ попался навстрѣчу человѣкъ. Его большая, темная фигура казалась еще темнѣе во мракѣ ночи. Онъ несъ что-то въ рукахъ.

— Кто это? въ испугѣ спросила сторожиха.

— Кто идетъ?! крикнулъ сторожъ.

Темная фигура подошла еще ближе, посторонилась къ скалѣ и дала дорогу сторожу и сторожихѣ.

— Не бойтесь, добрые люди! отвѣтила фигура. — Проходите съ миромъ!

У сторожихи отлегло отъ сердца. Проходя почти вплотную ми-

мо незнакомца, она ясно различила у него на рукахъ ребенка.

„Должно быть, онъ вдовецъ!“ подумала она.

И они пошли каждый своей дорогой: Кириакъ и Фрау-Эми — къ шоссе, чтобы дальше идти по нему въ церковь, а незнакомецъ — въ долину, гдѣ у опушки лѣса ему привѣтливо свѣтилъ въ лѣсной сторожкѣ огонекъ.

— Остаться-бы намъ дома, Кириакъ!.. снова начала фрау-Эми, когда о встрѣчѣ съ незнакомцемъ было уже забыто. — Вѣдь сегодня рождественская ночь! Мало-ли что можетъ случиться?

— Что-же, Эми, можетъ случиться? спросилъ ее мужъ.

— Да вѣдь намъ съ дѣтства твердили, что въ эту ночь очень беспокоится нечистая сила и ищетъ, куда-бы скрыться на время заутрени!..

— Будетъ тебѣ, Эми, молоть вздоръ! проворчалъ Кириакъ.

Но сторожиха стояла на своемъ. Какъ тирольская крестьянка, она была воспитана въ суевѣрїи съ малыхъ лѣтъ и глубоко вѣрила въ вѣдьмъ и домовыхъ.

— Нѣтъ, не вздоръ! продолжала она. — Намъ съ дѣтства рассказывали, что въ рождественскую ночь бѣсы такъ беспокоятся, что стараются обратиться въ кошекъ или собакъ и найти убѣжище у людей.

Кириакъ махнулъ рукой и не

отвѣтилъ. Ему не нравилось то, что говорила его жена.

— Бабьи сказани!.. проворчалъ онъ и сталъ подниматься по крутой тропинкѣ.—Ну, вотъ и шоссе! Давай руку!.. Держись, старуха, за меня!.. Теперь ужъ пойдетъ дорога легче.

Онъ подалъ ей руку и вытащилъ ее на шоссе. И вдругъ до нихъ донесся не то плачь ребенка, не то жалобный вой собаки. Фрау-Эми ухватилась за мужа.

— Это она! въ испугѣ заговорила она.—Это она. Нечистая сила! Она обманываетъ насъ!

— Помолчи, пожалуйста, немного! крикнулъ на нее Кириакъ и отправился на вой.

Не помня себя отъ страха, фрау-Эми прижалась къ каменной глыбѣ и стала быстро креститься. Не прошло и двухъ минутъ, какъ Кириакъ возвратился, ведя съ собою на цѣпочкѣ маленькую, бѣленькую, лохматенькую собачку.

— Не бойся! крикнулъ онъ жене еще издали.— Это собачка! Она, должно быть, потерялась!

Но сторожиха все еще въ страхѣ продолжала креститься.

— Оставь ее!.. залепетала она.— Брось ее тутъ!.. Пусть она останется здѣсь одна!

Кириакъ подумалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, — куда-же мнѣ ее теперь дѣвать? Вести ее съ собой въ цер-

ковь нельзя, а такъ оставить ее здѣсь одну—тоже негодится.

И, пройдя нѣсколько шаговъ по шоссе, онъ увидалъ тоненькій, желѣзный верстовой столбъ. Въ это время изъ-за горъ вышла красная, ущербавшаяся луна. Стало веселѣе.

— Вотъ что, сказалъ Кириакъ.— Я привяжу ее къ этому столбу! Кто-нибудь пройдетъ мимо, добрый человекъ, и возьметъ ее съ собой! А, можетъ быть, и ея хозяева хватятся ея и вернутся за ней!

И онъ привязалъ собачку къ верстовому столбу и, взявъ подруку супругу, отправился съ нею дальше въ церковь.

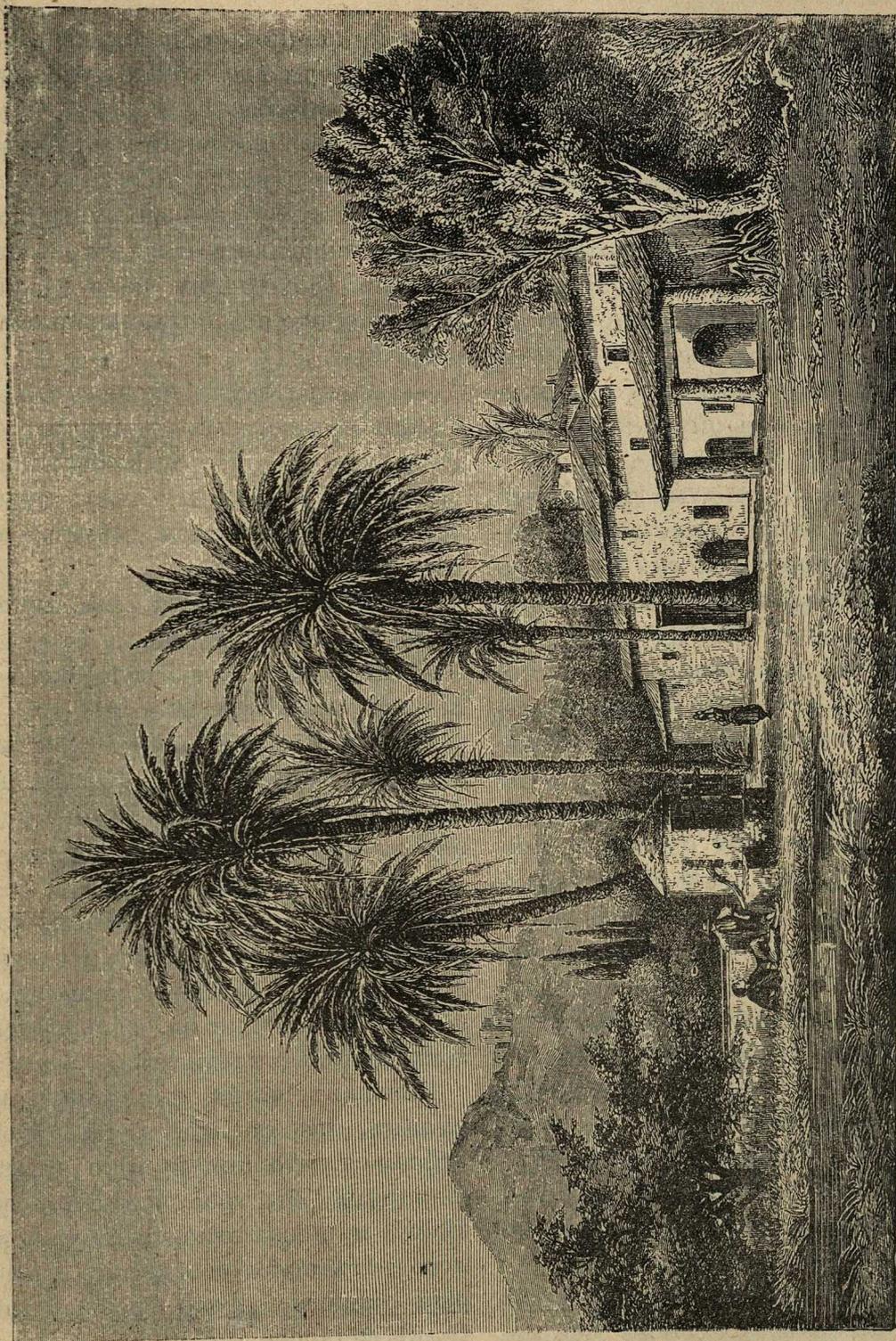
Тѣмъ временемъ незнакомецъ съ маленькимъ ребенкомъ подошелъ къ самой избушкѣ лѣснаго сторожа и заглянулъ въ нее черезъ окно. Онъ увидалъ Гульду, которая стояла къ нему спиной и при свѣтѣ лампы мѣсила тѣсто. Въ глубинѣ, на большой, широкой кровати спали дѣти.

„Если я внесу этого ребеночка сейчасъ въ избушку“, подумалъ незнакомецъ, — „то эта дѣвушка можетъ отказаться отъ него, и я долженъ буду его нести далѣе. Если-же я оставлю его здѣсь у крыльца, то онъ можетъ замерзнуть... Какъ-же мнѣ теперь быть?“

Онъ стоялъ въ нерѣшительности и не зналъ, на что рѣшиться. Согласится-ли эта дѣвушка при-

Съ поля домой.

Арабская деревушка въ Сѣверной Африкѣ.

нять отъ него ребенка? Конечно, нѣтъ! На кровати и такъ уже лежать четверо ребятъ! Другое дѣло, если-бы онъ этого ребеночка сюда подкинулъ! Тогда-бы всѣ въ этой избушкѣ считали его бездомнымъ сиротой и волей-неволей пріютили-бы его у себя!.. Но какъ подкинуть, когда на дворѣ такъ холодно? Къ тому-же уже и полночь... Замѣтятъ-ли этого подкидыша? Услышатъ-ли во-время его плачь?

Незнакомецъ подумалъ. Въ это время изъ хлѣва донесся протяжный ревъ коровы и ему отвѣтило жалобное бляенье козы. Незнакомецъ радостно улыбнулся.

— Вотъ что! сказалъ онъ самому себѣ. — Я войду сейчасъ въ хлѣвокъ и оставлю тамъ этого ребенка! Тамъ тепло и онъ не замерзнетъ. А придутъ завтра утромъ доить корову и козу и найдутъ его тамъ! Это будетъ хорошо!

И, обрадовавшись своей мысли, онъ тотчасъ-же тихонько пробрался къ хлѣву, отворилъ въ немъ дверь, бережно положилъ на солону ребенка и заперъ дверь за собою на задвижку.

— Тамъ онъ будетъ въ безопасности и въ теплѣ... проговорилъ онъ и снова подошелъ къ окну и заглянулъ въ него.

Дѣвушка по прежнему мѣсила тѣсто. Незнакомцу давно уже хотѣлось пить. Отъ длиннаго пути

и непривычной ноши ребенка у самой груди его жажда увеличилась еще болѣе.

— „Развѣ попросить у этой дѣвушки напиться?“ подумалъ онъ.

И онъ потрогалъ за ручку двери. Она оказалась незапертой. Онъ вошелъ. Заслышавъ шаги, дѣвушка нисколько не испугалась и обернулась.

— Здравствуйте! сказалъ онъ. — Съ наступающимъ праздникомъ! Не дадите-ли вы мнѣ, барышня, напиться? Нѣтъ-ли у васъ воды?

Гульда тотчасъ-же схватилась за ковшикъ.

— А не желаете-ли вы лучше молока? спросила она.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ. — Можно выпить и молока!

Она оставила его одного и вышла въ чуланчикъ. Когда она проходила мимо него, то онъ указалъ на тѣсто и спросилъ: —

— Что это вы дѣлаете?

— Пирогъ со счастьемъ, просто отвѣтила она. — Въ немъ я запеку вотъ эту серебряную монетку и, кому она достанется, тотъ цѣлый годъ будетъ счастливъ...

Выждавъ, когда она вошла въ чуланъ, онъ поглядѣлъ на дѣтей, убѣдился, что они крѣпко спятъ, и вдругъ быстро подошелъ къ тѣсту и незамѣтно втиснулъ въ него тотъ золотой брелокъ, который нашелъ около ребенка на травѣ у шоссе.

— Пусть это будетъ имъ на

счастье!.. проговорилъ онъ.—Имъ и той...

А затѣмъ онъ взялъ отъ подопедшей къ нему Гульды молоко, съ наслажденіемъ выпилъ его и сказалъ:

— Прощайте, дитя мое! Спасибо вамъ!

Онъ простился съ ней, вышелъ изъ избушки и скоро скрылся въ темнотѣ. Гульда осталась одна.

„Кто-бы это былъ?“ подумала она.—„Какъ онъ попалъ въ наши мѣста?“

Она снова принялась съ усердіемъ мѣсить тѣсто. Замѣсивъ его и сдѣлавъ изъ него пирогъ, она затопила печку, поставила пирогъ печься и затѣмъ принялась также и за приготовленіе супа.

— „Въ четыре часа вернутся отъ обѣдни дядя и тетя“, продолжала думать Гульда,—„имъ захочется разговѣться... Вотъ и будетъ чего поѣсть... Разбудимъ тогда дѣтей, имъ будетъ весело... Воображаю, какъ будетъ доволенъ тотъ, кому достанется въ пирогъ монетка!“

И она посмотрѣла на часы. Было уже два часа ночи.

Приготовивъ все, Гульда убрала комнату и прилегла отдохнуть. До прихода сторожа и сторожихи оставалось всего только два часа, но для нея, не присѣвшей еще ни разу съ самаго утра, было и этого достаточно. Довольная, что все успѣла сдѣлать, она легла и сейчасъ же за-

снула. Когда она проснулась, то было уже четыре часа. Дядя и тетя еще не приходили изъ церкви. Гульда вскочила, быстро одѣлась по праздничному и стала будить и ребячь.

— Вставайте! Вставайте! закричала она.— Уже Рождество! Съ праздникомъ!

Вилли, Фрицъ и Гретхенъ тотчасъ-же повскакивали со своей громадной постели. Сонные, протирая обоими кулаками глаза, они щурились на свѣтъ лампы, имъ хотѣлось встать и въ то-же время какая-то непобѣдимая сила влекла ихъ головы обратно къ подушкамъ.

— Да вставайте-же, пора! сказала имъ Гульда.— Уже четыре часа!.. Сейчасъ возвратятся изъ церкви папа и мама!

Дѣти встали, она одѣла ихъ по праздничному, умыла и усадила всѣхъ за столъ. По всей комнатѣ разливался пріятный запахъ супа и уже испекшагося пирога.

Но, чу! За дверью уже слышатся чьи-то шаги и голоса. Вотъ кто-то топаетъ ногами объ полъ, стараясь стряхнуть съ нихъ снѣгъ. Это навѣрное уже Кириакъ и ффрау-Эми! И, дѣйствительно, слышится уже его голосъ:

— Ну, входи-же, входи! Не бойся! Здѣсь тебя никто не съѣстъ!

Вслѣдъ затѣмъ распаивается дверь и съ веселымъ видомъ входятъ въ избушку сторожъ и сто-

рожиха. Увидѣвъ дѣтей, уже сидящими за столомъ, Кириакъ улыбается и еще отъ дѣтей кричитъ имъ:

— Здравствуйте! Богъ милости прислалъ!

Но дѣти едва слышатъ его, сразу всѣ трое вскакиваютъ изъ-за стола и бросаются къ нему.

— А это что такое? восклицаютъ они. — Какая хорошенькая! Откуда вы ее взяли?

Кириакъ держитъ на цѣпочкѣ маленькую, лохматенькую, бѣленькую собачку.

Завидѣвъ дѣтей, собачка взвизгиваетъ, бросается къ нимъ со своими ласками и лижетъ имъ руки своимъ теплымъ, розовымъ язычкомъ.

— Какая славненькая!

И дѣти начинаютъ ее гладить и ласкать.

— Папа, откуда ты ее взялъ? спросилъ, наконецъ, у Кириака Вилли.

— Да вотъ шли въ церковь и нашли ее около шоссе, отвѣчалъ отецъ.—Я было привязалъ ее къ верстовому столбу, думая, что кто-нибудь хватится ее и возьметъ, а не тутъ-то было. Возвращаемся съ мамой обратно, глядимъ—а она все еще стоитъ у столба и дрожитъ отъ холода. Ну, дѣлать нечего, взяли ее съ собой!.. Не обѣсть!.. Хватить и на нее!

— Мы назовемъ ее Пулькой! сказали дѣти.

— Ну, Пулькой, такъ Пулькой,

отвѣтилъ отецъ. — Мнѣ это все равно!

И стала собачка Пулькой.

Затѣмъ всѣ усѣлись за столъ и стали разговляться.

Гульда разлила супъ по тарелкамъ и отъ него еще вкуснѣе пошелъ запахъ по всей сторожкѣ.

— Ну, съ праздникомъ!.. сказалъ отецъ, принимаясь за ѣду.

— Съ праздникомъ!.. отвѣтили ему всѣ хоромъ и стали уплетать за обѣ щеки супъ.

Когда супъ былъ оконченъ, то на столѣ вдругъ неожиданно появился пирогъ со счастьемъ.

Тотчасъ-же у всѣхъ развязались языки, начался шумный разговоръ и слышались восклицанія:

— Кому-то достанется счастье?

— Я думаю, что мнѣ!

А Пулька все это время стояла среди избушки и, не обращая вниманія ни на что, только нюхала воздухъ, повернувшись мордочкой въ ту сторону, гдѣ находился хлѣвокъ.

— Ску-ску-ску!.. скулила она.

— Это она скучаетъ по своему хозяинѣ!.. сказалъ Кириакъ.—Ну, да ничего! Привыкнетъ!..

А затѣмъ онъ всталъ изъ за стола и, обратившись къ Гульдѣ, продолжалъ:

— Ты здѣсь займись нарѣзываніемъ пирога, а я схожу въ погребъ, можетъ быть найду тамъ бутылочку винца!

Онъ вышелъ изъ комнаты и ско-

ро вернулся назадъ съ бутылкой въ рукѣ. Онъ сѣлъ опять на свое мѣсто и раскладываніе пирога по тарелкамъ началось.

— Кому этотъ кусокъ? спросила громко Гульда.

— Мнѣ, отвѣчалъ Вилли.

— А этотъ?

— Папѣ! закричали всѣ.

— А этотъ?

— Богу на свѣчку!

— А этотъ?

— Мамѣ!

— А этотъ?

— Гретхенъ!

Гульда стала отрѣзывать ту часть пирога, въ которой была запечена монета и вдругъ ея ножикъ прошелся по металлу.

— Денежка! радостно воскликнула маленькая Гретхенъ и захлопала въ ладоши. Серебряная монетка дѣйствительно досталась ей. Всѣ съ завистью заглянули ей въ тарелку.

Гульда продолжала рѣзать далѣе и на этотъ разъ уже для себя самой. Ножикъ вторично прошелся по металлу. Что-бы это значило? Неужели въ пирогъ могли попасть двѣ монеты? Но какимъ образом? Неужели Гульда положила въ тѣсто одну монету, а потомъ позабыла объ этомъ и положила другую? Нѣтъ, этого не можетъ быть! Она раздвинула потомъ два куска пирога и между ними блеснулъ золотой брелокъ. Это былъ тотъ самый брелокъ, который не-

знакомецъ нашелъ около ребенка и который онъ незамѣтно всунулъ въ тѣсто.

Гульда почувствовала, какъ руки у нея задрожали и какъ ножикъ и вилка готовы были вывалиться изъ нихъ на столъ.

— Что за чудо? проговорила она.—Какъ эта вещь могла сюда попасть?

Фрау-Эми тоже увидѣла брелокъ. Она поблѣднѣла, испугалась и стала часто креститься.

— Я говорила тебѣ, Кириакъ, сказала она,—что не надо было брать эту собаку сюда!

Но въ этотъ моментъ откуда-то издали вдругъ раздался плачь ребенка и ему отвѣтила своимъ тонкимъ воемъ собачка. Всѣ насторожились и повскакивали съ мѣсть. Гдѣ-то, не то въ лѣсу, не то въ хлѣву, жалобно плакалъ ребенокъ и не прошло и минуты, какъ всѣ выскочили изъ за стола и выбѣжали на дворъ. Гульда воспользовалась этимъ моментомъ, вытащила изъ пирога брелокъ и спрятала его къ себѣ въ карманъ. Затѣмъ она тоже вышла на дворъ.

Тамъ было всеобщее возбужденіе. Фонарь, который держалъ въ рукахъ Вилли, освѣщалъ собою хлѣвъ, гдѣ въ одномъ углу мирно жевала жвачку корова, а въ другомъ стояла коза и пылливо оглядывала своими круглыми глазами вошедшихъ. Около нея, прямо на соломѣ сидѣла маленькая дѣвоч-

ка около двухъ лѣтъ и горько плакала. Она протираля рученками глаза и можно было догадаться, что она только сію минуту проснулась и испугалась темноты. Теперь, увидавъ передъ собою людей, она успокоилась и протянула ручки къ Вилли. Онъ всталъ передъ ней на колѣни и съ удивленіемъ сталъ оглядывать ее со всѣхъ сторонъ.

— На ножки хочу... сказала дѣвочка тоненькимъ голоскомъ.

Вилли поднялъ ее и поставилъ на ножки.

— Да она презабавная! воскликнулъ Кириакъ.— Она уже умѣетъ говорить!

И подойдя къ ней поближе, онъ нагнулся къ ней и сказалъ:—

— Какъ тебя зовутъ?

— Мизи...

— Гдѣ твоя мама?

Дѣвочка не поняла и не отвѣтила.

— А папа?

Опять нѣтъ отвѣта.

— Надо будетъ ее отправить завтра въ полицію! сказалъ наконецъ Кириакъ.

— Зачѣмъ? спросила Гульда.

— Чтобы тамъ навели справ-

ки... Куда-же дѣвать этого подкидыша?

— О, нѣтъ!.. испугалась Гульда. Мы возьмемъ этого ребенка себѣ! Я буду его воспитывать, обшивать, кормить... Это будетъ такъ интересно! Разрѣшите мнѣ это, дядя Кириакъ!

Кириакъ и самому жаль было расставаться съ ребенкомъ. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на жену, но и та уже разстроилась настолько, что позабыла о вѣдьмахъ и о привидѣніяхъ и по глазамъ у нея такъ и струились слезы.

— Бѣдненькая!.. шептала она.— Сироточка!.. Какъ теперь она будетъ одна?..

— Такъ беремъ мы ее себѣ, или нѣтъ? спросилъ у нея мужъ.

Она перекрестилась, поцѣловала дѣвочку и взяла ее на руки.

— Конечно, беремъ! отвѣтила она.— Богъ намъ ее послалъ, а развѣ можно идти противъ воли Бога?

И всѣ толпой они направились къ выходу. И все время собачка съ радостнымъ визгомъ вертѣлась около дѣвочки и побѣжала за нею вслѣдъ, когда фрау-Эми понесла ее въ избушку.

Метеоръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТОПСИКЪ И Я.

(Разсказъ дяди).

Мы очень любили, когда приходилъ къ намъ дядя-Коля и рассказывалъ намъ свои исторіи. Мы обступали его со всѣхъ сторонъ, кто-нибудь изъ насъ взбирался къ нему на колѣни или даже на плечи, — и онъ начиналъ свой разсказъ, который мы выслушивали, затаивъ дыханіе и боясь проронить малѣйшую подробность. На дворѣ обыкновенно хлесталъ осенній дождь и гудѣли вѣтвями голыя деревья, въ печкѣ у насъ привѣтливо трещалъ огонь, — и намъ казалось въ такіе вечера, что лучше и уютнѣе, чѣмъ у насъ въ домѣ, не могло быть ни одного мѣста на земномъ шарѣ.

— Была у насъ маленькая собачка, обыкновенно начиналъ дядя-Коля, — и звали ее Топсикъ. (Про этого Топсика мы любили слушать разсказъ дяди хоть каждый вечеръ.) Ну-съ, мнѣ было тогда всего-только семь лѣтъ. Была у насъ гувернантка Эмилиа Егоровна, которая всѣхъ насъ очень любила и которую мы считали за свою. Однажды отецъ пришелъ къ намъ и объявилъ:

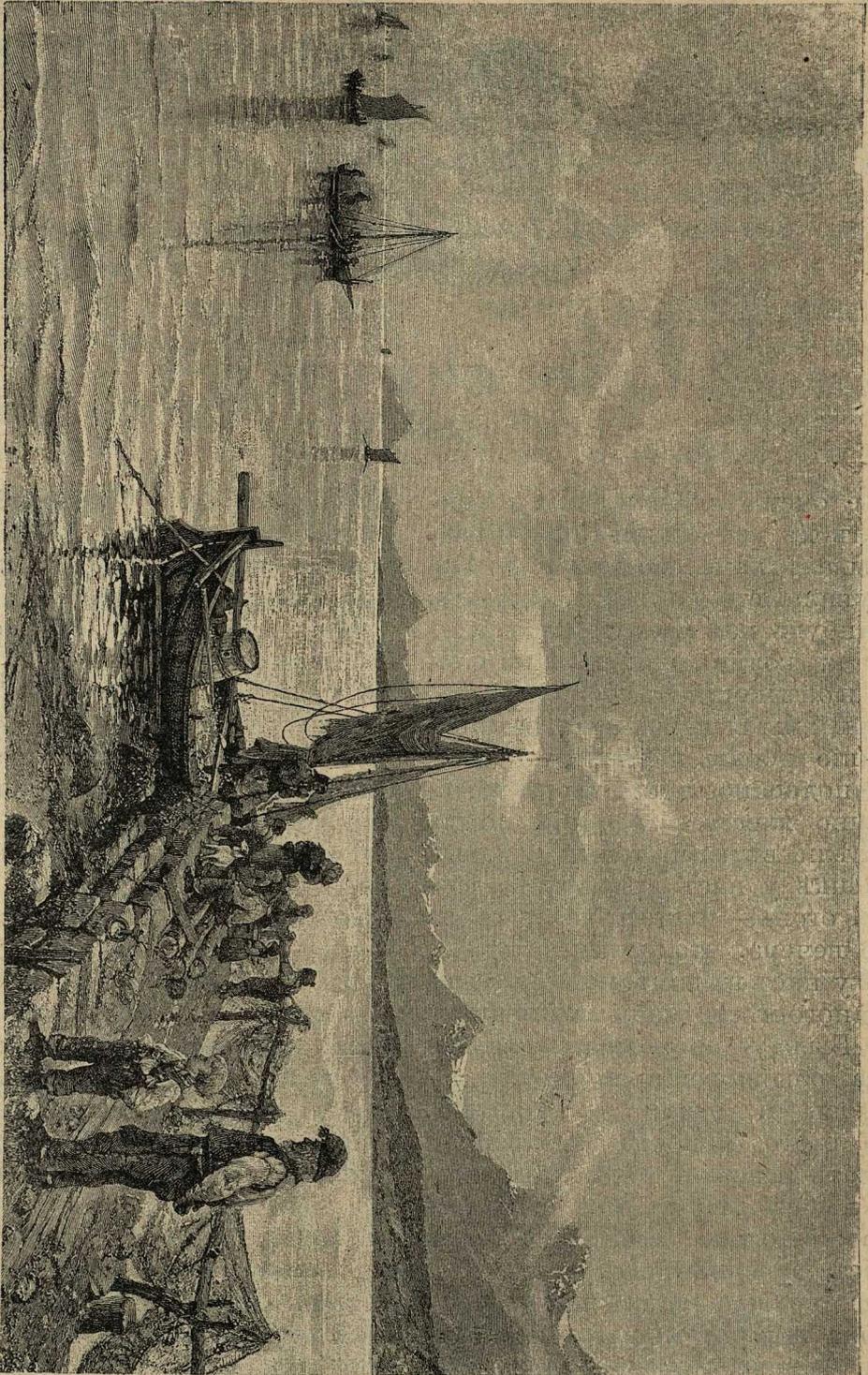
— Довольно уже намъ жить въ

этихъ голодныхъ степяхъ! Я купилъ имѣніе на сѣверѣ! Тамъ привольно! Мы переѣдемъ на постоянное жительство туда!

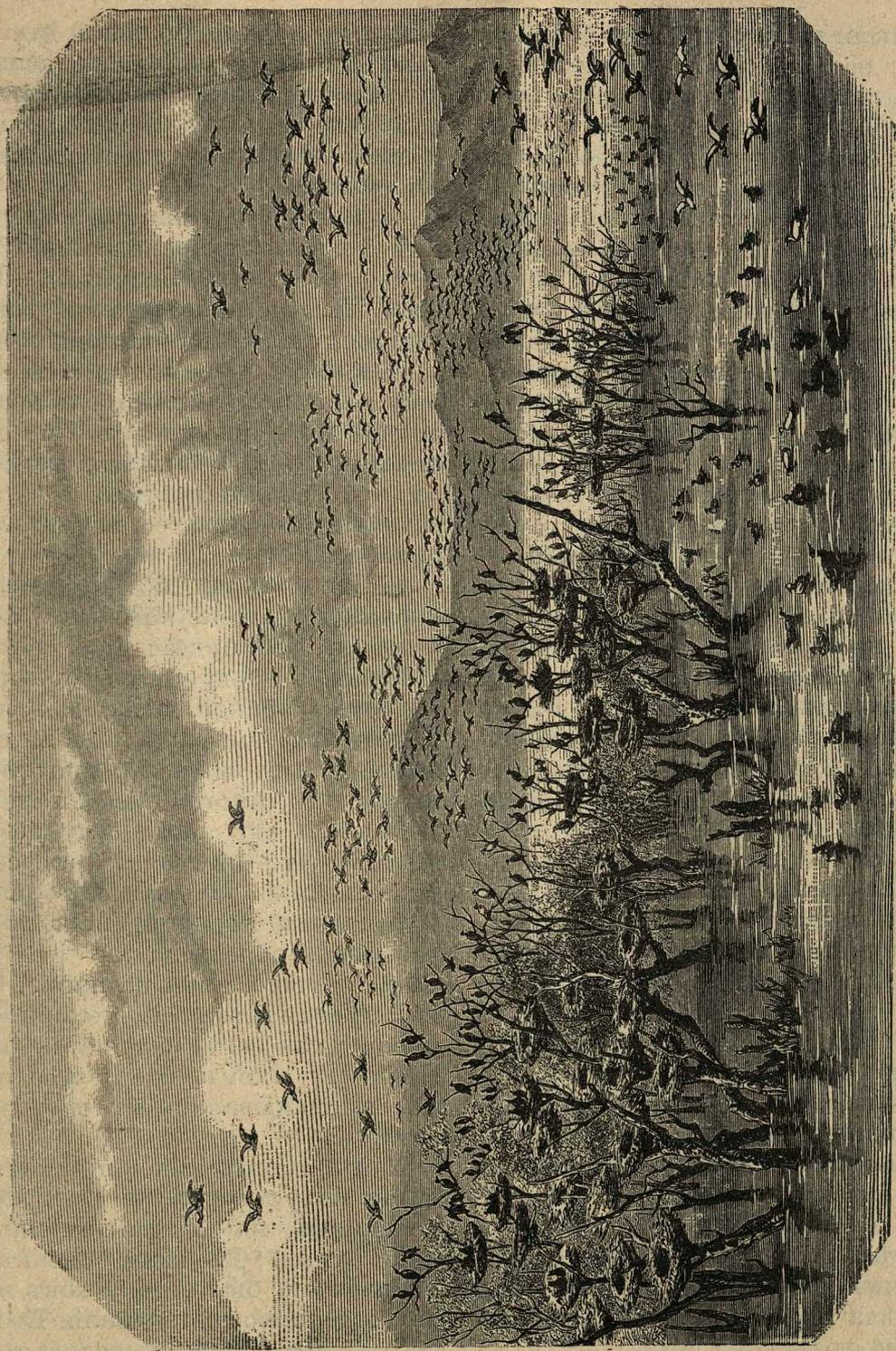
Мы, дѣти, обрадовались. Мы не понимали еще ровно ничего, но уже одно то, что намъ предстояло совершить большое путешествіе, заранѣе намъ нравилось. Закручинилась одна только Эмилиа Егоровна. Она никакъ не могла рѣшиться: ѣхать-ли ей съ нами, или не ѣхать? Но мы къ ней пристали съ неотступными просьбами, она расплакалась и подѣ конецъ согласилась.

— Я все равно не могу безъ васъ!.. отвѣтила она. — Я еще учила вашу маму... Я васъ всѣхъ люблю, какъ своихъ родныхъ...

Начались сборы. Появились покупатели, которымъ было продано все, чего только нельзя было взять съ собой, простились мы со всѣми знакомыми и родными и наконецъ двинулись въ путь. Цѣлыхъ трое сутокъ ѣхали мы по желѣзной дорогѣ въ тѣснотѣ и въ духотѣ, съ массой узловъ, узелковъ и узелочковъ, потомъ цѣлые сут-

На озерѣ въ Швециани.

Въ нетронутыхъ еще мѣстахъ.

ки плыли на пароходѣ по большой рѣкѣ, затѣмъ сорокъ верстъ ѣхали на лошадахъ по отвратительной тряской дорогѣ и наконецъ прибыли благополучно въ свое новое имѣніе. Оно оказалось превосходнымъ. Все кругомъ было зелено, при домѣ оказался громадный паркъ съ большимъ глубокимъ рыбнымъ озеромъ и послѣ нашей дѣйствительно голодной степи здѣсь показалось намъ, дѣтямъ, какъ въ раю. Правда, на цѣлые тридцать верстъ вокругъ усадьбы не было ни одной живой души, но насъ это не беспокоило, потому что мы жили всегда своею тѣсною семьей и не нуждались въ знакомыхъ. Вокругъ усадьбы тянулись распаханная поля, а за ними на горизонтѣ виднѣлся большой, безконечный лѣсъ.

— Этотъ лѣсъ, говорилъ отецъ, — тянется на цѣлые десятки верстъ. Когда вы будете собирать въ немъ грибы, то не заходите очень далеко! Заблудитесь.

Но какое счастье для насъ, ребятъ! Послѣ выжженной солнцемъ степи — и вдругъ лѣсъ, ягоды, грибы, купанье и катанье въ лодкѣ по озеру! Новая жизнь захватила насъ цѣликомъ. Мы сразу-же, съ первой-же недѣли, полюбили нашу новую родину и намъ казалось, что мы тутъ и родились. Даже непривычныя для насъ бѣлыя ночи казались намъ пріятными и намъ весело было играть на воздухѣ по вечерамъ.

Вмѣстѣ съ нами всегда играла собачка Топсикъ. Ахъ, какъ она надоѣла намъ за дорогу, когда мы ѣхали сюда!

Дѣло было такъ. Едва только мы размѣстились въ вагонѣ и до-

ѣхали до первой большой станціи, какъ Эмилиа Егоровна увидала какую-то некрасивую маленькую грязную собаченку, которая бѣгала по путямъ желѣзной дороги и жалобно скулила.

— Навѣрное, она потеряла своихъ хозяевъ! сказала Эмилиа Егоровна и глубоко вздохнула. — Бѣдная! Теперь она можетъ умереть съ голоду или попасть подъ повозку!

И какъ-то незамѣтно отъ насъ, она вышла изъ вагона и возвратилась обратно уже съ этой собаченкой. Папа обидѣлся, мамѣ тоже это было непріятно.

— Зачѣмъ вы ее взяли? спросила она.

— Ничего, кротко отвѣтила гувернантка. — Она намъ не помѣшаетъ... Это будетъ моя собачка!

И всю дорогу она провозилась съ этой собакой. Она назвала ее Топсикомъ. Она водила ее на станціяхъ гулять и такъ беспокоилась о ней, что иногда даже получала замѣчанія отъ папы. Ему не нравилось, что она везла съ собою такъ далеко собаку, которая не отличалась породой, и, какъ ему казалось, обращала на нее вниманіе больше, чѣмъ на насъ, дѣтей. Но гувернантка съ покорностью переносила его замѣчанія и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ своему Топсику.

Какъ только мы пріѣхали въ нашу новую усадьбу, то Топсикъ поселился на дворѣ въ маленькой будкѣ. Другихъ собакъ въ усадьбѣ не было, такъ какъ вовсе не было воровъ, и Эмилиа Егоровна каждый день обязательно носила ему ѣсть сама. Мы замѣтили скоро, что и Топсикъ привязался

къ ней и всякій разъ радостно ее встрѣчалъ.

— Ахъ, ты мой Топсикъ!.. ласкала она его.—Какъ ты похожъ на ту собачку, которая была у меня въ дѣтствѣ! Точно двѣ капли воды! То была умная, добрая собачка!..

Я не могу сказать, что бы у насъ въ семьѣ любили Топсика. Наоборотъ, его никто изъ насъ не ласкалъ, прислуга давала ему пинки и, если-бы не сама Эмилиа Егоровна, то его не кормилъ-бы никто. Но больше всѣхъ недолюбливалъ Топсика я. Я не могу указать на настоящую причину, почему именно я такъ его не любилъ. Я и самъ ея не зналъ, вѣрнѣе—никакихъ причинъ даже вовсе и не было. Я просто не влюбилъ его—вотъ и все. Къ стыду своему я долженъ сказать, что всякій разъ, встрѣчаясь съ Топсикомъ, я не упускалъ случая, чтобы не сдѣлать ему чего-нибудь непріятнаго.

Но скоро наши отношенія измѣнились. Я полюбилъ Топсика всей душой и считаю его теперь самой умной собакой, какою только когда-либо встрѣчалъ.

Однажды отецъ вошелъ къ намъ въ дѣтскую и сказалъ:—

— Уже появились бѣлые грибы... Вы-бы пошли въ лѣсъ и пособирали-бы! Только не заходите далеко!

Мы обрадовались. Собирать въ лѣсу грибы! Да вѣдь это—такое наслажденіе, котораго не знаютъ миллионы дѣтей! Мы повскакивали со своихъ мѣстъ, засуетились, стали отыскивать корзинки. Эмилиа Егоровна тоже собралась съ нами и послѣ долгихъ возгла-

совъ и суеты мы наконецъ вышли изъ усадьбы.

— Смотрите не заблудитесь! крикнула намъ въ окошко мама.

Мы гурьбой отправились въ лѣсъ. Пройдя черезъ ржанья поля, мы дошли наконецъ до него и въ первый разъ въ жизни я вступилъ въ дремучій лѣсъ, который никто не сажалъ и не ростилъ и о которомъ заботился только одинъ Господь.

— Какъ жаль, что мы не взяли Топсика! вздохнула гувернантка.— Онъ тоже съ нами погулялъ-бы... Здѣсь такъ хорошо!

— И отлично сдѣлали, что не взяли! отозвался я.— Онъ теперь вертѣлся-бы у насъ подъ ногами.

Въ лѣсу было дѣйствительно очень хорошо. Громадныя сосны роптали наверху своими вершинами, шелестѣли листьями стройныя бѣлыя березы и старыя, вѣковыя ели стояли, какъ шатры, широко раскинувъ свои вѣтви. Кричали и щебетали птицы, жужжали насѣкомыя и то и дѣло попадались громадныя муравейники, на которыхъ копошились массаи крупныя рыжіе муравьи. Во всемъ лѣсу стоялъ удивительно нѣжный, свѣжій аромат зелени и цвѣтовъ, смѣшанный съ запахомъ прѣлаго листа и валежника,—и такъ и хотѣлось каждую минуту вздохнуть какъ можно поглубже и лишній разъ весело разсмѣяться. Грибы попадались на каждомъ шагу.

— Я нашла бѣлый! раздавался голосъ сестры Лиды.

— А я красный! отвѣчалъ Гриша.

— Смотрите, сколько здѣсь рыжиковъ! кричалъ имъ и я изъ своего далека.

Я искалъ грибы съ азартомъ. Мнѣ хотѣлось набрать ихъ какъ можно больше и какъ можно скорѣе,—и я то и дѣло забѣгалъ впередъ, или-же нарочно отставалъ и сворачивалъ въ сторону.

— Коля! Ау! кричала мнѣ Эмилиа Егоровна.— Не уходи далеко! Гдѣ ты?

— Ау, кричалъ я ей въ отвѣтъ и заходилъ еще дальше и глубже въ лѣсъ, чтобы поскорѣе найти грибовъ и потомъ удивить всѣхъ своими ловкостью и умѣньемъ ихъ собирать.

— Ау! слышались ясно голоса.

— Ау! отвѣчалъ я имъ издали.

А потомъ, увлекшись собираніемъ грибовъ, я вовсе пересталъ имъ отвѣчать и когда наконецъepochватился и оглядѣлся по сторонамъ, то я былъ уже одинъ. Вблизи меня не было никого.

— Эмилиа Егоровна! Лида! Гриша! закричалъ я изъ всѣхъ силъ.

Мнѣ показалось, что кто-то откликнулся мнѣ далеко-далеко, но были-ли это ихъ голоса, или мнѣ отвѣтило эхо,—я разобратъ не могъ. Сердце во мнѣ забилося, я закричалъ еще разъ.

— Ау! Эмилиа Егоровна! Гдѣ вы!

Отвѣта не послѣдовало. Было ясно, что я отбился отъ нихъ, не замѣтивъ, какъ потерялъ ихъ изъ виду и теперь мнѣ предстояло найти ихъ во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣй.

Я засуетился, совершенно позабылъ о своихъ грибахъ, бросился въ одну сторону, потомъ въ другую, но вокругъ меня тысячами стояли одни только деревья, которыя были всѣ похожи одно на другое,—и я не зналъ теперь, ни гдѣ я находился, ни гдѣ были

мои спутники, ни въ какой сторонѣ находилась наша усадьба.

— Ау! Ау! кричалъ я во все горло.

Но никто мнѣ не откликнулся и я понялъ, что заблудился окончательно и что если я не выберусь изъ лѣса теперь-же, сію минуту, пока еще свѣтитъ солнце и пока я сравнительно еще недалеко отъ усадьбы, то мнѣ уже не выбратъся изъ него никогда.

И я испугался, зарыдалъ и заметался то туда, то сюда. Мнѣ казалось, что я шелъ къ усадьбѣ, но черезъ двадцать шаговъ я убѣждался, что иду не туда, и я поворачивалъ обратно и черезъ столько-же шаговъ сворачивалъ опять въ сторону.

— Господи! Господи!.. ужасался я.—Что-же мнѣ теперь дѣлать?.. Къ-къ теперь быть?.. Какъ выбратъся изъ лѣса? Ау!

Но кругомъ на далекое пространство было тихо и только слышно было, какъ щебетали птицы, да роптали вершинами вѣковыхъ сосны. А затѣмъ смолкли птицы и, поднявъ голову кверху, я могъ видѣть, что небо стемнѣло и начался уже вечеръ.

— „Неужели-же я останусь здѣсь на ночь?“ подумалъ я и самая мысль о возможности заночевать въ лѣсу, привела меня въ ужасъ.

Съ каждой минутой въ лѣсу становилось все мрачнѣе и темнѣе, потянуло сыростью и теперь я уже шелъ и самъ не зная куда, прислушивался къ звукамъ и вздрагивалъ отъ страха, когда валежникъ вдругъ съ трескомъ подламывался у меня подъ ногой. Возможность встрѣтиться съ волкомъ или медвѣдемъ приводила

меня въ отчаяніе и одинъ разъ я даже опустился на колѣни прямо на траву и сталъ горячо молиться.

— Господи, спаси меня! Помоги мнѣ выйти изъ лѣса!

А между тѣмъ на небѣ уже сверкали звѣзды и въ лѣсу стало уже настолько темно, что я нигде уже не могъ идти. Къ тому же я и усталъ. Я былъ на ногахъ уже нѣсколько часовъ и чувство волненія и страха утомили меня еще больше. Каждый пенекъ казался мнѣ недобрымъ человѣкомъ и каждый выступъ на землѣ представлялся мнѣ какимъ-нибудь животнымъ. Я такъ усталъ, что не могъ уже идти. Ноги подкашивались подо мною и я не могъ ими двигать. Въ безсиліи и въ полной безнадежности я опустился у ствола березы и сталъ рыдать.

— Господи, прости меня!.. всхлипывалъ я. — Если мнѣ уже нельзя выйти изъ лѣса, то утѣшь моихъ папу и маму!

И мнѣ представилась тяжелая картина, какъ сейчасъ у насъ дома всѣ встревожились моимъ исчезновеніемъ, какъ плачутъ мама и папа и смотрятъ большими испуганными глазами братъ и сестра и какъ теперь съ зажженными фонарями разыскиваютъ меня по всему лѣсу наши работники и кухарка. Мнѣ представились нашъ теплый домъ и въ немъ уютная дѣтская, въ которой всю ночь, а можетъ быть ужъ и навсегда, будетъ пустовать моя кровать — и мнѣ такъ сразу захотѣлось домой, къ семьѣ, такъ захотѣлось броситься къ роднымъ на шею и начать ихъ со слезами цѣловать, что я заплакалъ еще болѣе.

А ночь все сгущалась вокругъ

меня и сгущалась и теперь для меня было уже ясно, что я долженъ былъ заночевать въ лѣсу. Но смогу-ли я заснуть? И какъ мнѣ устроиться? Лечь-ли прямо на землю, или взобраться на вершину дерева, гдѣ меня не тронетъ никто? Я всталъ, хотѣлъ-было влѣзть на березу, но силы измѣнили мнѣ и я снова опустился на влажный мохъ.

— Останусь здѣсь!. рѣшилъ я. — Я усталъ и больше не могу!

Я прислонился спиной къ стволу дерева и зажмурилъ глаза. Отъ страха я боялся ихъ раскрыть. Навожденія мрака обступили меня со всѣхъ сторонъ, я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и мнѣ стало казаться, что ко мнѣ собрались всѣ дикіе звѣри и всѣ лѣсные духи и ожидали только момента, чтобы я открылъ глаза.

И вдругъ около меня неожиданно послышался чей-то тихій визгъ и кто-то теплымъ языкомъ лизнулъ меня въ щеку!

Я испугался, вздрогнулъ и вскочилъ на ноги.

— Прочь! Прочь! закричала я. — Кто это?!

Я еле былъ живъ отъ страха и думалъ что сейчасъ умру.

Какое-то маленькое, бѣленькое существо завертѣлось у меня въ ногахъ и потомъ вдругъ подпрыгнуло и снова лизнуло меня въ самыя губы.

— Прочь!! заорала я. — Уйди!! Уйди!! Я боюсь!

Но бѣленькое существо продолжало прыгать вокругъ меня, скулило и старалось чаще и чаще лизнуть меня языкомъ въ самое лицо. И по мѣрѣ того, какъ я привыкалъ къ этой неожиданности,

чувство внезапнаго страха оставило меня, я приглядѣлся наконецъ къ темнотѣ и вдругъ узналъ этого пришельца.

Это былъ никто другой, какъ Топсикъ, котораго я до этого такъ не любилъ.

— Топсикъ!! воскликнулъ я въ восторгѣ.— Это ты? Откуда ты? Какъ ты меня нашель?

И я бросился къ собакѣ, обнялъ ее, прижалъ ее къ сердцу и сталъ ее горячо цѣловать. Что-то не обыкновенно ласковое, преданное было въ эту минуту въ этой маленькой, некрасивой собачкѣ и мнѣ вдругъ стало стыдно своего отношенія къ ней и захотѣлось вдругъ просить у нея прощенія, какъ у человѣка, и въ свою очередь быть преданнымъ и ласкать.

— Топсикъ! Топсенька!.. Топсикъ!.. повторялъ я, а слезы такъ и текли у меня по щекамъ.

А затѣмъ Топсикъ взялъ меня за штаны и потянулъ. Я догадался, что онъ хочетъ вывести меня изъ лѣса, и, уже не помня себя отъ радости, послѣдовалъ за нимъ чуть не бѣгомъ. Онъ выпустилъ мои штаны изъ пасти и затѣмъ, низко опустивъ голову къ землѣ, побѣжалъ передо мною, то и дѣло чихая отъ попадавшихъ ему въ ноздри соринокъ.

Кричала какая-то ночная птица, свѣтился, точно привидѣнне, гнилой пенъ въ сторонѣ, но я уже не обращалъ на нихъ вниманія и, съ веселымъ сердцемъ, бѣжалъ за собакой.

Прошелъ часъ, другой,—сознаеніе опасности и радость возвращенія домой придавали мнѣ силъ и все время я старался не отста- вать отъ своего маленькаго, не-

красиваго избавителя. А затѣмъ въ лѣсу стало свѣтлѣе, деревья все раздвигались и раздвигались и наконецъ раздвинулись совсѣмъ: мы вышли на лѣсную опушку. Красный, ущербавшійся мѣсяцъ висѣлъ надъ горизонтомъ и при его свѣтѣ я увидѣлъ передъ собою мирныя поля со скирдами сжатой уже ржи и далеко-далеко мерцавшій среди деревьевъ огонекъ. Это была наша усадьба.

Теперь я былъ уже спасенъ.

— Слава Богу! вздохнулъ я съ облегченіемъ и нѣсколько разъ перекрестился.— Спасибо и тебѣ, моя милая, дорогая собачка!

Теперь уже я зналъ дорогу и одинъ. Топсикъ все время бѣжалъ передо мною, но я уже больше не слѣдилъ за нимъ и шелъ домой одинъ. Не прошло и двадцати минутъ, какъ я былъ уже дома. гдѣ меня ожидали всѣ съ нетерпѣніемъ хотя и отчаялись уже меня встрѣтить живымъ.

Нужно-ли описывать, какъ меня встрѣтили дома и какъ обрадовались моему неожиданному появленію? Это понятно для каждаго, кто хоть когда-нибудь жилъ въ семьѣ, а потому я и умолкаю и не вдаюсь въ подробности. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что объ исчезновеніи изъ дому дому Топсика не зналъ въ усадьбѣ рѣшительно никто. Какимъ-то удивительнымъ чутьемъ онъ понялъ, что въ нашей семьѣ произошло нѣчто серьезное, и по моему отсутствію догадался, въ чемъ дѣло. Онъ вышелъ въ поле, понюхалъ воздухъ и, какъ объяснилъ потомъ видѣвшій это нашъ сторожъ Василій, бѣгомъ пустился къ лѣсу. Больше его уже никто

не видѣлъ да и не поинтересовался имъ никто. Для меня же было важно то, что онъ нашелъ меня по моимъ слѣдамъ въ лѣсу и по нимъ-же вывелъ меня оттуда,—и я не могъ этого забыть никогда и всю мою жизнь любилъ и цѣнилъ Топсика и съ тѣхъ поръ былъ самымъ искреннимъ и преданнымъ его другомъ.

Дядя умолкъ, а мы еще долго сидѣли около него и старались вообразить себѣ маленькаго Топсика и умственными очами представить себѣ темную ночь, дремучій лѣсъ и маленькаго мальчика, въ отчаяніи сидѣвшаго на землѣ и не знавшаго, что дѣлать и что предпринять.

Гіальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названіе какихъ плотничныхъ инструментовъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Ты снёсъ-бы въ погребъ хоть пару банокъ варенья!

2) Зима наступила; выпалъ глубокой снѣгъ.

3) Спать до этихъ-то поръ! Ну, какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь ужъ полдень!

4) Поиграли въ лото и уберите! Надо лото беречь и убирать.

5) Чей-то экипажъ остановился около воротъ нашей усадьбы.

6) Приклей на письмо одну только почтовую марку; письмо лоть только и вѣситъ.

II.

Что сдѣлано изъ воды, но въ водѣ не тонеть?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 18, помѣщенныхъ въ № 18 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Самоваръ, Поле, Гитара-Сапоги, II. Облако, Перо, трава корова. III. Сахаръ, Азия, Муха, Окно, Варенье, Азбука, Товаръ-Самоваръ. IV. Баравъ, барабанъ. V. Въ комнатѣ было всего только три стула и они были разставлены по тремъ ея угламъ.

Ребусъ № 18. С+ре+ди+н+оча+п+ослы+п+а+лосъ+пень+е+со+ловъ+я=Среди ночь слышалось пѣнье соловья.

III.

Какія мѣстоименія совсѣмъ неудобны, когда ѣдешь въ тарантасѣ?

IV.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Буквы 6. 7. 5. 4 означаютъ холодное время года, 3. 4. 5. 2—то, что замазывается на это время года, чтобы было теплѣе, 6. 4. 5. 2. 6. 1. 2—то, чѣмъ это замазываніе производится, и 1. 2. 3. 8. 7. 6. 9—то, что находится надъ замазываемымъ предметомъ.

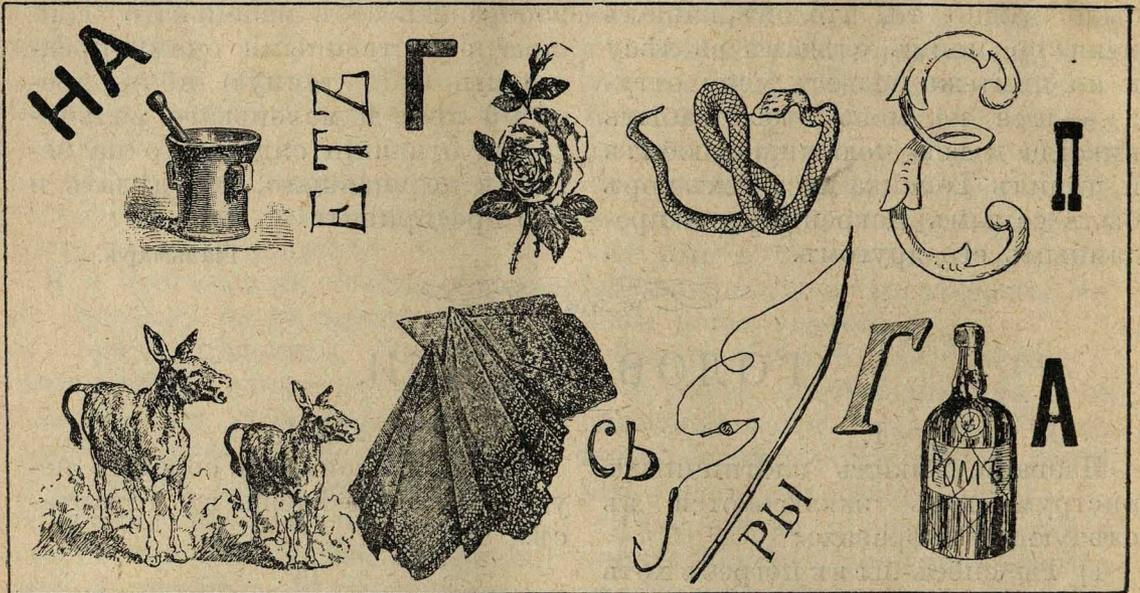
Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилію русскаго историка и писателя.

V.

Какой японскій языкъ?

Вѣрныя рѣшенія прислали: Шура Александрова, Клава и Коля Денисенко Володя Развадовскій, В. Развадовскій, Жена, Вѣра, Надя и Котя Девтель, Вѣра и Нина Серебренниковы, Леля Мупсикъ и Тая Пупепкъ, Коля Пустоваловъ, Анна Покровская, Коля Чабала, Нюся Сухова, Исаакъ и Веніаминъ, Слава Ершовъ, Анна Рафановичъ, А. Селивановъ, Валя Вяткина, Сережа Думаревскій, Яня Гальперинъ, Алексъ Ярвининъ и Алечикъ Ничипоренко, Оля Славковичъ, Жена Башилова, Евгенийъ Крайцовъ,

Ребусъ № 20.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны);

Лида, Боря и Соня Козмины, Миша Дряхловъ,
Борисъ Корженевскій, Фрося Горобецъ, Саша
и Козя Савицкіе, Стась, Феня, Лева, Валя, Дима

и Сережа Корженевскіе, Николай и Нина Ба-
лаболочки, Вѣрочка Шихова, Деликъ-Кроликъ
Богушъ, Тая Есаулова, Ниночка Цельтнеръ.

≡ 17-е Сентября. ≡

Ко дню свв. СОФІИ, ВѢРЫ, НАДЕЖДЫ и ЛЮБВИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ НА ИМЕНИНЫ:

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

за истекшій годъ со всѣми приложениями въ краси-
вомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к.
за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пере-
сылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ
въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета
по 65 коп.).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 ЛѢТЪ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1 Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, биографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ сдѣлать по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

рекомендуетъ слѣдующія книги
для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ И ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи
журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 26.